

И.В. Черный

ОБРАЗЫ КРЕСТЬЯН В РАССКАЗЕ Н.В. КУКОЛЬНИКА «СТАРОСТА МЕЛАНЬЯ»

Творчество Н. В. Кукольника долгое время находилось в стороне от магистральных направлений литературоведения. Оно было надежно укрыто от взгляда исследователя категорическими суждениями и ярлыками, которые заранее определяли характер возможных оценок и выводов. На наш взгляд, давно пришла пора более глубокого и объективного анализа творчества писателя, результаты которого не обязательно должны привести к возведению его фигуры в ранг классика. Объектом анализа в данной статье стал рассказ «Староста Меланья» (1842) – уникальное для творчества Кукольника произведение, потому что персонажами его являются крестьяне. Изучение его позволяет убедиться, что автор произведения отнюдь не был таким уж закоренелым представителем охранительного лагеря, каким его всегда рисовало советское литературоведение.

В «Дневниковых записях» Кукольника за 1842 г. есть пометы, относящиеся к этому рассказу: «Староста Меланья. Описание картины, воспоминания, описание села. Причины, почему я там был задержан. Глубокое уважение к женскому старосте. Рассказ о ней. В 7 году она вышла замуж, добыл ее сосед из другого казенного села, знакомство с нею и общая любовь. Приближение французов, отправление в милицию, болезнь ее, взятие Москвы положило ее в постель. Пожар Москвы приблизил ее к смерти, она причастилась в день битвы под Малым Ярославцем и встала на ноги... Пророчества ее... Святая остальная жизнь... Отъезд из села, благословение Меланьи, финал. Проводы французов. Разбитый фургон на Старой Долине. Поездка в город. Некому сдать казны. Встреча с Дмитровским помещиком и Полковником, отпуск на волю, женитьба на Василисе. Святая жизнь Меланьи. – Тайна. – Финал. Начата 24, окончена 28-го августа» [3, 19]. В тетради «Парголово» за 1842 г. в записи от 1 сентября отмечено: «Отдал «Старосту Меланью» Владиславлеву» [3, 25]. Вероятно, рассказ был написан и приурочен к тридцатилетию окончания войны 1812 г. и предназначался для очередного выпуска альманаха «Утренняя заря». Но по каким-то причинам не появился в печати тогда же, а был опубликован лишь в 1846 г. в «Картинках русской живописи».

Уже в плане произведения явно намечено несколько линий, связанных с главными его героями. Их в рассказе двое. Одна из них та, чьим именем и назван рассказ, староста Меланья. Второй – ее сосед Прохор, от лица которого ведется повествование, построенное в виде рассказа в рассказе. Обрамлением служит незамысловатая история о том, как автор, возвращаясь в 1839 г. в Петербург из «небольшого вояжа», остановился переночевать в одной

живописной деревне. Здесь и происходит знакомство с Прохором и Меланьей, историей их жизни и нелегких взаимоотношений.

События, о которых рассказывает Прохор путешественнику, происходят сразу же после Бородинской битвы. Описываются действия русских крестьян в тылу врага, то, как простые, необученные воинскому искусству мужики под предводительством своей старосты обороняют собственные дома и села от французов. Прототипом главной героини, возможно, послужила известная участница Отечественной войны 1812 г. Василиса Кожина. Однако Кукольник отходит от реального образа, вероятно, полагая, что женщине не место в одном строю с мужчинами и не пристало гоняться за неприятелем с косой или рогатиной в руках. Нет, его Меланья не такова. Она величественна и горда. Ее дело, как замечает сама героиня, «женское». Она вместе со всеми односельчанами станет молиться о победе мужчин. В ней есть что-то от библейских героинь. Не случайно уже в самом начале рассказа автор акцентирует внимание читателя на «святости», праведности Меланьи.

«– На вашем селе, видимо, – замечает рассказчик, – Божья благодать!

– То-то и есть! – перебил меня старик значительно и глаза его сверкнули радостно.

– Должны быть в вашем селе люди, – продолжал я, – которые угодны Богу.

– То-то и есть! – перебил меня Прохор. – Право, барин, ты умно говоришь, то-то и есть, что в нашем селе живет Меланья» [2, 140-141].

Ревностно и благочестиво несет Меланья возложенный на нее общиной крест старосты-предводительницы крестьян. Приступая к новым обязанностям, она молится и накладывает на односельчан строгий урок: «Никто в печи не моги огня раскладывать; пост, пока Божий гнев не минует!» [2, 148]. Первая, подвигнувшая мужиков поднять оружие на французов, она первой же и жалеет чужеземцев, погибших в схватке с русскими: «Все мы во Христе братья. Война – только ссора. Кто напал, тот и поплатился, а людей все-таки жаль, не гады же, а люди» [2, 151]. Кульминационным в служении Меланьи общему делу становится момент ее внезапной болезни после сдачи Москвы французам. На несколько месяцев, до самого освобождения столицы от неприятеля, староста безмолвно лежала, прикованная к постели. Это была очередная епитимья, самая жестокая, наложенная праведницей на себя, – обет молчания до тех пор, пока враг не уйдет из Москвы.

Второй крестьянский образ рассказа, Прохор, – несомненная удача Кукольника. Это, пожалуй, единственный в творческой практике писателя полнокровный, живой тип русского простолюдина. Здесь продумано буквально все: от портрета до речевой характеристики. Язык Прохора – не просто блестящая стилизация под народную речь. В нем так и чувствуется живая стихия. Речь главного героя рассказа яркая, образная. Она пересыпана пословицами и поговорками, типичными крестьянскими оборотами и выражениями. По говору Прохора видно, что это человек, исполненный

чувства собственного достоинства. Он прям в оценках, его разговор с приезжим баринном лишен льстивых интонаций.

«Прохору, – описывает героя рассказчик, – по всем признакам, было за пятьдесят, но он сохранил в лице и движениях молодецкую бодрость. Лицо по наружности было простоватое; не было в нем русского дородства; поджарый старик» [2, 138]. Не ограничиваясь этим, Кукольник стремится сделать портрет Прохора максимально зримым для читателя. Он обращается к общеизвестным примерам, ссылаясь на выставявшуюся в 1839 г. в галерее Академии художеств картину Венецианова, которая «послужила поводом к настоящему рассказу» [2, 134]. Имеется в виду картина «Смерть крестьянки», сюжет которой сходен с эпизодом болезни Меланьи. Отсылка к картине, обозначенная еще в плане, симптоматична. Кукольник в этот период отстаивал идею синтеза литературы, живописи и музыки. Живопись и музыка должны были дополнять своими средствами выразительности литературное произведение.

Уже из описания картины Венецианова видно, что именно Прохору отводится ведущая роль в рассказе. Пусть Меланья и праведница, но она не от мира сего. Это икона, идеал. Ее судьба может служить предметом для жития. Жизнь же Прохора типична и в то же время индивидуально неповторима, остро драматична. Через всю жизнь он пронес чистое и светлое чувство к Меланье, которую полюбил с первой же встречи. «Как, – удивляется рассказчик, – неужели в этих людях страсть любви может иметь такое байроновское развитие; на краю могилы он тяжело любит женщину, которую полюбил не он, а юноша свежий, полный силы, способный к нежным ощущениям только по возрасту» [2, 144].

Любовь Прохора и идеальна, и одновременно вполне земная. Хоть рассказчик и характеризует ее как «байроновскую», но назвать ее романтической в полном смысле нельзя. Да, поначалу Прохор сохнет и неистовствует от любви, но болезнь матери открывает ему глаза. Он сознает, что страсть его греховна. Показательно, что Кукольник называет своего героя «почтенным». Тот и ведет себя, как подобает цельной и чистой натуре, страдая в глубине души, по-мужски, а не безумствуя и рефлектируя, как романтический герой, испытавший несчастную любовь. Чувство Прохора облагораживающее, зовущее на подвиг, хоть и безнадежное, заранее обреченное на то, что влюбленный не получит вожделенной награды.

Простой крепостной мужик оказывается способным и на героические поступки. «Русскому народу, – говорит он, – только добрый клич надо; на всякую удаль самим Богом сделан» [2, 148]. Сдержанно, безо всякого хвастовства описывает Прохор свои военные подвиги: «Я назад; догнал товарищей; сказал про беду; мы скорее целиком к речке; набежали французы, да ни один в Дмитровку не воротился; чай и теперь в земле, неведомо где лежат их косточки, а тех косточек и тут нет, далече их речка унесла» [2, 151]. И во время отступления французов крестьянский отряд неоднократно нападал на неприятеля, отбирая награбленное добро и оружие. Здесь также проявились

лучшие качества Прохора и возглавляемых им людей. Найдя сундук с золотом, Прохор здраво рассудил, что чужим добром не разживешься, и сначала предъявил находку властям, а затем решил поделиться ею со всеми односельчанами. Ему просто повезло в жизни. Барин наградил его за подвиги волей, Бог послал денег для обзавода. Он женился на сестре Меланьи, Василисе, и поселился рядом со своей любимой.

Кукольник приводит рассказ к традиционному счастливому финалу. Не сделай этого писатель, не сгладь он видимых противоречий реальной действительности, и произведение получило бы совсем иное звучание. Что случилось бы с героем 1812 г. Прохором, не дай ему барин вольную? Так и остался бы он неприкаянным бобылем или, женившись на крепостной же крестьянке, тянул бы «ярем барщины старинной» либо, попав в руки более просвещенного господина, благословлял бы судьбу за «легкий оброк». А между тем именно таковой была судьба многих безвестных героев войны, портреты которых не украшали галереи дворцов, но которые и были подлинными победителями в войне с Наполеоном. Так далеко в своих выводах Кукольник зайти не сумел или не посмел. Ведь всего полгода назад была написана сходная по духу со «Старостой Меланьей» повесть «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно», вызвавшая недовольство двора. И в новом произведении автор снова «выказывал добродетель податного сословия» [1, 794], сведя, впрочем, все к официальной идее: веруй в Бога, служи государю и отечеству, чти господина своего и воздастся тебе по делам твоим. И все же рассмотренный нами рассказ свидетельствует о том, что даже в рамках консервативной литературы того времени крестьянский вопрос был животрепещущим. Полагаем, что в плане дальнейшего изучения проблемы было бы интересным сопоставить произведение Кукольника с аналогичными сочинениями других писателей консервативного лагеря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенкендорф А. Х. Письма к Н. В. Кукольнику // Русская старина. – 1871. – Т. III.
2. Кукольник Н. В. Староста Меланья // Кукольник Н. В. Сочинения. Повести и рассказы. – СПб., 1853. – Т. III.
3. Кукольник Н. В. Дневниковые записи, планы произведений, приходно-расходные записи // РО ПД. – Ф.371. – Архив Н.В.Кукольника. – № 78.
4. Танакова Т. Н. Кукольник Н. В. // Русские писатели. Биобиблиогр. словарь. – М., 1990. – Ч. I.

АННОТАЦИЯ

Черный И. В. Образы крестьян в рассказе Н. В. Кукольника «Староста Меланья».

Статья посвящена творчеству известного русского писателя XIX века Н. В. Кукольника. Анализируется рассказ «Староста Меланья», посвященный событиям Отечественной войны 1812 года. Рассмотрены образы крестьян в произведении.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, образы, крестьяне.

АНОТАЦІЯ

Чорний І. В. Образи селян в оповіданні Н. В. Кукольник «Староста Меланья».

Статтю присвячено творчості відомого російського письменника XIX століття Н. В. Кукольник. Аналізується оповідання «Староста Меланья», присвячений подіям Вітчизняної війни 1812 року. Розглянуто образи селян у творі.

Ключові слова: Вітчизняна війна 1812 року, образи, селяни.

SUMMARY

Chorniy I. V. Images of peasants in the short story “Melania, the Starosta” by N. V. Kukolnik.

The article is dedicated to the activity of a well-known Russian writer of the XIX century N. V. Kukolnik. The story “Melania, the Starosta” which is devoted to the events of the 1812 Patriotic War is analyzed. The images of the peasants from the story are examined.

Key words: 1812 Patriotic War, images, peasants.

Статья отрецензирована и рекомендована к печати доктором филол. наук, профессором Л.Г. Фризманом